

Глава 1

Был солнечный и теплый майский день, когда я сидел, уставившись в окно, пойманный в ловушку класса химии с небольшой надеждой ускользнуть пораньше. Осталась всего одна неделя в школе, и потом я буду свободен. Выпускной! Я с нетерпением ждал этого дня ... ну, с тех пор, как себя помню, и он почти подошёл. Я просто должен пройти через выпускные экзамены, и хотя я довольно-таки хороший студент, это будет трудно, если не невозможно ведь в последнее время мне всё сложнее держать ум на учебе. Кажется, я все больше и больше мечтаю. В основном о том, как проведу свое последнее лето, прежде чем отправлюсь в колледж. И также о своей маме. Интересно, как она будет жить без меня? Я был хозяином дома с тех пор, как отец ушел почти пять лет назад, и теперь я тоже оставляю ее. Эта мысль настолько удручает, что она почти разрушила мое возбуждение от окончания двенадцати долгих лет учебы в школе.

Конечно, мама говорит, что с ней все будет в порядке. Она всегда так говорит. Но я знаю, как сильно она зависит от меня. Хотя она все еще молода в свои 37 лет (я родился, когда ей было 19) и, при том что я сам говорю что она "горячая", она не встречается и у нее нет мужчины, кроме меня, чтобы чинить вещи и заботиться о машине и так далее. Содержать дом в порядке—это моя работа, и я не возражаю против ответственности. На самом деле, мне это даже нравится. У нас с ней очень особые отношения и мы очень близки—мы скорее друзья, чем мать и сын. Мы опирались друг на друга в течение последних нескольких лет; вместе проходили через мои подростковые кризисы и ее более важные взрослые заботы ... например вопрос оплаты счетов.

Когда папа сбежал со своей секретаршей, он ничего нам не оставил, и что еще хуже, мама была эмоционально подавлена и долгое время я ненавидел его за это. Он взорвал мой пузырь счастливой семьи и причинил моей маме ужасную боль. Но я больше не ненавижу его. Именно из-за его ухода мы с мамой так сблизились. Я научился чинить вещи, помогал с финансами, устроившись на неполный рабочий день, чтобы оплачивать одежду и мелкие расходы на учебу, и просто был рядом, когда ей нужно было чье-то плечо поплакать. И она делала это очень часто. У меня всё ещё есть пара рубашек, на которые она пролила свои слезы, и, хотя я должен был выбросить их, они все еще находятся в моем шкафу в качестве напоминания о том, что я никогда не должен причинить ей такую боль. Ох, и да, мне просто немного стыдно сказать, что у меня также есть пара ее трусиков, спрятанных в моем комодe, которые я украл из корзины.

Как я уже сказал, моя мать горячая штучка, и если вы еще не догадались, я от неё без ума. Она великолепна, и не только потому, что я так говорю. Все мои приятели говорят, что она самая горячая и крутая мама из всех, кого они знают. Она ростом около пяти футов шести дюймов, с большими круглыми глазами, которые меняются от аквамаринового до небесно-голубого в зависимости от ее одежды, и они мерцают, как звезды. Она держит свои крашенные рыжие волосы на уровне плеч и стильно завивает их кончики. Ее фигура идеальна, но я расскажу вам об этом чуть позже. В 37 лет она легко сойдёт за любого 20-ти летнего. Некоторые говорят, что мы могли бы сойти за брата и сестру, и, конечно, ей нравится, когда я рассказываю об этом.

На ее 37-й день рождения я решил удивить ее кольцом с красным вставным камнем и ожерельем. Она понятия не имела, что я ей что—то куплю, но я накопил немного денег с подработки—семьсот долларов—и потратил их все. Я знал, что ей понравится ожерелье и кольцо, потому что она сказала это, когда мы увидели их в ювелирном магазине в торговом

центре однажды днем. Я упорно работал, чтобы накопить деньги, и эта покупка была, вероятно, самым захватывающим моментом в моей жизни до этого времени. Я специально завернул этот подарок в красивую бумагу с красным бантиком в магазине.

Когда я подарил ей их, она начала плакать. На мгновение мне показалось, что я совершил большую ошибку. Но ее слезы были слезами радости. Она сказала, что мне не следовало тратить так много денег, но ей понравилось и она сказала что любит меня. Одно это заявление того стоило. Она сказала, что будет носить кольцо всегда. Я был удивлен, когда она надела его на свой левый безымянный палец, где раньше носила обручальное кольцо. Для меня это тоже было чем-то особенным.

Наверное, пора признаться, что в последнее время я много фантазирую о своей маме. Недавно у меня даже хватило наглости шпионить за ней. Я успешно сопротивлялся невероятным сексуальным гормонам, бушевавшим во мне, пока случайно не увидел, как она раздевается в своей спальне. Я зашел к ней в комнату, чтобы спросить, не нужно ли ей чего-нибудь, прежде чем лечь спать. Ее дверь чуть приоткрылась. Прежде чем я успел постучать, она уже стояла возле туалетного столика. Я видел ее в ночной рубашке и тому подобном, и она много раз видела меня в нижнем белье, но это был первый раз, когда я увидел ее полностью обнаженной. Я все еще помню ее тонкую талию и узкие бедра с гладкой идеальной белой кожей ее задницы, выжженной в моем банке памяти. Я не думаю, что когда-либо видел более совершенную задницу.

Когда она наклонилась, чтобы поднять свои трусики, мое сердце чуть не выскочило из груди, когда я понял, что могу видеть губы ее киски между слегка раздвинутыми бедрами. И, невероятно, у нее не было ни пятнышка лобковых волос, ни одного—по-детски гладко. Внутренние губы были бледно-розовыми, они свисали между гладко выбритыми внешними губами, как нежные лепестки розы ... великолепная розовая роза с переливающимися от утренней росы лепестками. Наружные губы были пухлыми холмиками цвета плоти и, казалось, напрягались, чтобы удержать ее более длинные внутренние губы.

Я с растущим чувством вины и возбуждения наблюдал, как она села и начала чувственно втирать крем в свои большие, но все еще упругие груди. Она втерла Крем в верхнюю часть своих грудей, а затем двинулась вниз, останавливаясь, чтобы втереть его в невероятно твердые соски, пока они не стали блестящими и гладкими.

Затем она вылила еще немного себе на руки и положила ладони под два больших шара, приподняв и размяв упругую плоть. Мне показалось, что я слышу вздох удовольствия, но это мог быть и мой собственный вздох.

Я стоял как вкопанный, широко раскрыв глаза, которые были словно блюдца, и смотрел на нее. Это может показаться наивным со стороны восемнадцатилетнего юноши, но именно в тот момент я понял, что люблю свою мать, но не как сын. Я также понимал, что ни одна женщина никогда полностью не займет ее место в моем сердце. Я знаю, что некоторые сказали бы, что это просто подростковая фантазия, и что многие дети фантазируют о своих матерях или их учителях средней школы и т. д. но это было не то. Я никогда не был влюблен в учительницу или

любую другую зрелую женщину, если уж на то пошло.

Я помню, как был взволнован в тот день; так взволнован, что мне пришлось вытащить свой набухший член из штанов чтобы не кончить в нижнее белье. Я изо всех сил старалась не кончить, не только потому, что чувствовала себя виноватым, но и потому, что хотел, чтобы дрожь возбуждения, проходящая через меня, длилась вечно. Я хотел смотреть на нее вечно. Когда она встала и закинула руки за голову, я больше не мог сдерживаться.

Моя сперма ударила в дверь так сильно, что я мог поклясться, что она услышала шлепок. Мои колени почти подогнулись, когда я ущипнул себя, чтобы остаться в сознании. Из всех случаев, когда я мастурбировал в своей жизни, а их было много, этот был безусловно лучшим. Это оставило у меня ощущение опустошенности и головокружения.

В момент когда я открыл глаза, я снова увидел маму, сидящую на своем стуле и смотрящую в зеркало со странной улыбкой на лице. Я окаменел от ужаса, подумав что она меня заметила, и потому, когда зажегся свет, помчался прочь, как таракан по кухне.

Я очень долго чувствовал себя виноватым за ту ночь, но не настолько, чтобы не делать этого снова и снова. С этого момента я использовал любую возможность, чтобы шпионить за моей матерью. Я положил маленькую полоску резины на раму двери ванной и спальни, чтобы она не закрывалась полностью. Она много раз просила меня починить её но я так и не смог этого сделать. Затем почти каждый вечер я проскальзывал в темный коридор, чтобы посмотреть, как она раздевается перед ванной или сидит у туалетного столика, чтобы совершить свой ночной ритуал перед сном. Иногда, если мне очень везет, я вижу, как она делает непослушные вещи, на кровати или в ванной. В этот момент я теряю контроль, и стою с членом в руке и с парой ее трусиков, пока не кончу.

Я уже говорил, какая у нее шикарная грудь? Я знаю, что никогда не устану смотреть на эти красивые сиськи. Даже когда она одета, я часто ловлю себя на том, что смотрю на них ...они такие круглые и мягкие, что когда она ходит, они сексуально подпрыгивают. Иногда она ловит мой взгляд, но никогда не сердится. В последнее время, когда она видит, что я смотрю на нее, она просто качает головой и улыбается, как она делала, когда я был маленьким мальчиком пойманным за набегом на банку с печеньем.

- Джерри Мосс, ты можешь закончить формулу на доске до конца урока?

Внезапно я очнулся от своих грез. - Я .. ух... А я

Учитель смотрел на меня и ждал. Остальная часть класса разразилась взрывами смеха. Мое лицо приобрело три оттенка красного. - Я был не внимателен, - признался я.

-Ну, по крайней мере, ты признаешь это. Вам лучше прислушаться, потому что это будет на экзамене, - отметил мистер Хенсон. -И это касается всех остальных старшеклассников.- К

моему великому облегчению, это заставило все еще хихикающих студентов посерьезнеть отвлекаясь от меня.

<http://tl.rulate.ru/book/1381/41261>